

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СОСТОЯНИИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАСКУЛИННЫХ И ФЕМИНИННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР РФ И СНГ

ШЛЯПНИКОВ В.Н.

Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

В работе проверяется гипотеза о взаимосвязи маскулинности национальной культуры и выраженности половых различий в волевой регуляции у представителей различных этнических групп. Проведено сравнение мужчин и женщин среди представителей маскулинных (кабардинцы, осетины, армяне, татары, башкиры, таджики) и фемининных (русские, украинцы, белорусы, коми, марийцы, корейцы, тувинцы, евреи) этнических групп. Всего в исследовании приняли участие 1453 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Для диагностики состояния волевой регуляции респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении», модификация Методики самооценки волевых качеств личности. Показано, что в маскулинных культурах мужчины и женщины значительно различаются по показателям «Шкалы контроля за действием», выраженности эмоционального, поведенческого и социального самоконтроля, а также по самооценкам волевых качеств, тогда как в фемининных культурах различия практически отсутствуют. Мужчины демонстрируют качества, связанные с реализацией намерения в действии, а женщины — качества, связанные с организацией своей деятельности в соответствии с требованиями общества.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, кросс-культурный подход, этнос, пол, гендер, маскулинность, фемининность.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №18-013-01108.

Для цитаты: Шляпников В.Н. Половые различия в состоянии волевой регуляции у представителей маскулинных и фемининных национальных культур РФ и СНГ // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 2. С. 139—152. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130210>

GENDER DIFFERENCES IN THE STATE OF VOLITIONAL REGULATION AMONG VARIOUS ETHNIC GROUPS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIS

VLADIMIR N. SHLYAPNIKOV

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

The hypothesis about the relationship between masculinity of national culture and the severity of gender differences in the state of volitional regulation among its representatives is tested. Men and women were compared among representatives of masculine (Kabardin, Ossetian, Armenians, Tatars, Bashkirs, Tajiks) and feminine (Russians, Ukrainians, Belarusians, Komi, Mari, Koreans, Tuvans, Jews) ethnic groups. In total, 1453 people aged 18 to 30 years participated in the study. To diagnose the state of volitional regulation of the respondents, the following methods were used: “Action-control scale” by Yu. Kuhl, “Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity and behavior”, self-appraisals of volitional qualities. It is shown that in masculine cultures, men and women significantly differ in terms of the “Action-control scale”, the severity of emotional, behavioral and social self-control, as well as self-assessments of volitional qualities, while in feminine cultures there are practically no differences. Men demonstrate qualities associated with the implementation of intentions in action, and women demonstrate qualities associated with the organization of their activities in accordance with the requirements of society.

Keywords: volition, will, volitional regulation, self-control, self-regulation, volitional qualities, cross-cultural approach, ethnos, gender, masculinity, femininity.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-01108.

For citation: Shlyapnikov V.N. Gender Differences in the State of Volitional Regulation among Various Ethnic Groups of the Russian Federation and the CIS. *Ekspериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 2, pp. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130210> (In Russ.).

Введение

За последние десятилетия наблюдается рост количества публикаций, посвященных проблеме воли, в том числе изучению психофизиологических механизмов волевой регуляции [13; 14; 19]. Вместе с этим исследования демонстрируют наличие значимых различий показателей состояния волевой регуляции у представителей различных этнических групп. Хотя Ю. Куль еще в 2008 г. с позиции теории PSI (Personal System Interaction Theory) высказывал предположение, что особенности воспитания в восточных (коллективистских) культурах способствуют формированию более эффективного типа волевой регуляции (саморегуляции), а в западных (индивидуалистических) культурах — менее эффективного (самоконтроля), первые эмпирические исследования в этой области не подтвердили это предположение и показали отсутствие значимых различий по показателям «Шкалы контроля за действием» Ю. Куля у жителей Германии, Новой Зеландии и Бангладеш [15; 18]. Однако последние исследования подтверждают предположение Ю. Куля: среди народов РФ, представителей более коллективистских культур преобладает эффективный тип волевой регуляции (тувинцы, кабардинцы, татары, башкиры, корейцы), а среди народов, представителей более индивидуалистических культур, — неэффективный тип волевой регуляции (русские, коми, марийцы) [3]. Наряду с этим было показано, что народы РФ значимо различаются по показателям самоконтроля, а также самооценки волевых качеств личности: наибольшие значения наблюдаются у представителей тувинцев и кабардинцев, а наименьшие — у русских, корейцев, коми и марийцев [12]. Также исследования свидетельствуют, что показатели состояния волевой регуляции положительно коррелируют с позитивной этнической идентичностью, но только у представителей тех народов, у которых этническая принадлежность занимает важное место в идентификационной матрице (коми, кабардинцы) [10].

Тем не менее, природа кросс-культурных различий показателей волевой регуляции остается до конца не раскрытой. Ю. Куль высказывает предположение о том, что влияние культуры на развитие личности опосредовано особенностями воспитания подрастающего поколения. В своих рассуждениях он сводит культурные различия в воспитании к оппозиции «независимость—взаимозависимость» [18]. Однако это не единственный подход к описанию культурных измерений в современных науках, в частности, Г. Хофстеде рассматривает как одну из шести базовых характеристик культуры *маскулинность* [17]. Согласно Г. Хофстеде, в маскулинных культурах сильно выражена дифференциация гендерных ролей, мужчины занимают ведущее положение по отношению к женщине, высоко ценятся качества, связанные с достижением индивидуального успеха, а мальчиков и девочек воспитывают по-разному; в фемининных культурах дифференциация гендерных ролей слабо выражена, общество характеризуется относительным гендерным равенством, высоко ценятся качества, связанные с заботой об общем благе, а мальчиков и девочек воспитывают примерно одинаково [17]. В связи с этим мы предположили, что различия показателей состояния волевой регуляции у представителей разных культур могут быть обусловлены этнокультурными особенностями социализации подрастающего поколения, в том числе особенностями гендерной социализации и связанной с нею спецификой дифференциации гендерных ролей.

Данные исследований свидетельствуют о наличии различий в показателях состояния волевой регуляции у мужчин и женщин. Обобщая результаты целого ряда исследований развития волевых качеств в онтогенезе, Е.П. Ильин отмечает, что в целом девочки опережают мальчиков по уровню развития таких волевых качеств, как терпеливый, решительный, смелый, выносливый, на протяжении всего периода обучения в школе [5]. Сходные данные были получены в исследованиях Т.И. Шульги и А.В. Быкова [1]. Наряду с этим было показано, что взрослые мужчины значимо превосходят женщин по склонности к эмоциональному и социальному самоконтролю; у мужчин наиболее выраженными являются такие волевые качества, как смелость, упорство, энергичность, решительность, организованность, а у женщин — самостоятельность, дисциплинированность, обязательность. Также у женщин были обнаружены значимые положительные корреляции между уровнем маскулинности и такими «мужскими» волевыми качествами, как: энергичность, смелость, целеустремленность, упорство, что может свидетельствовать о вкладе особенностей культуры в формирование гендерных различий в показателях волевой регуляции [11].

Исходя из этого, можно выдвинуть *гипотезу* о том, что в более маскулинных культурах будут наблюдаться значимые половые различия в показателях состояния волевой регуляции (волевого самоконтроля, самооценки волевых качеств, а также типа волевой регуляции, по Ю. Кулю), а в более фемининных — они будут практически отсутствовать.

В связи с этим, *цель* данной работы состояла в проведении сравнительного анализа показателей состояния волевой регуляции у мужчин и женщин — представителей маскулинных и фемининных этнических групп.

Методы

Описание выборки. С целью проверки выдвинутой нами гипотезы было обследовано 14 этнокультурных групп, проживающих на территории РФ и бывшего СССР.

Поскольку большинство исследуемых нами культур, за исключением русской, украинской, корейской, еврейской, не были исследованы Г. Хофстеде и его коллегами, мы

были вынуждены опираться на данные других исследователей, которые зачастую носят качественный характер [17]. В связи с этим к группе *фемининных культур* были отнесены восточнославянские народы (русские, украинцы, белорусы), имеющие низкие значения по показателям маскулинности, согласно данным Г. Хофстеде, а также близкие к ним по образу жизни и национальной культуре фино-угорские народы (коми, марийцы) [6; 17]. Также к этой группе были отнесены народы, исповедующие буддизм (тувинцы и корейцы), и евреи, также имеющие низкие значения по показателям маскулинности [7; 17]. К группе *маскулинных культур* были отнесены народы Кавказа (кабардинцы, осетины, армяне), которые оцениваются большинством отечественных исследователей как маскулинные, а также народы, исповедующие ислам (татары, башкиры, таджики), которые, согласно данным Г. Хофстеде, имеют более высокие значения по показателям маскулинности [6; 8; 17]. Мы хорошо осознаем все ограничения предложенной нами экстраполяции данных, которая носит относительный, качественный характер. Тем не менее, обращение к ней носит вынужденный характер ввиду отсутствия более точных данных.

Основным критерием отбора респондентов являлось наличие выраженной положительной этнической идентичности, которая определялась в предварительной беседе, и свободное владение русским языком. Все группы, за исключением белорусов и таджиков, были уравнены по полу и возрасту и состояли из студентов, проживающих в крупных городах в местах исконного поселения этноса (за исключением армян, евреев и корейцев).

Русские — студенты московских вузов — 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст 22,05), все холостые или незамужние.

Украинцы — студенты вузов г. Полтавы — 51 девушек и 52 юношей в возрасте от 17 до 21 года (средний возраст 20,1), все холостые или незамужние.

Белорусы — слушатели курсов повышения квалификации для работников образования г. Минска — 51 женщина и 49 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет (средний возраст 32,5), 90% имеют высшее образование, 95% состоят в браке.

Коми-зыряне — студенты вузов и молодые специалисты г. Сыктывкар — 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст 21,5), все холостые или незамужние.

Марийцы — студенты вузов г. Йошкар-Олы — 56 девушек и 44 юношей в возрасте от 18 до 28 лет (средний возраст 23,5), все холостые или незамужние.

Корейцы — студенты вузов г. Хабаровска — 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 20 до 23 лет (средний возраст 25 лет), все холостые или незамужние.

Тувинцы — молодые специалисты г. Кызыл — 50 женщин и 50 мужчин в возрасте от 25 до 30 лет (средний возраст 26,5 лет), 95% состоят в браке.

Евреи — студенты московских вузов — 52 девушки и 47 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 21,9), все холостые или незамужние.

Татары — студенты вузов г. Уфы — 56 девушек и 45 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 22,2), все холостые или незамужние.

Башкиры — студенты вузов г. Уфы — 57 девушек и 43 юношей в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст 22,4), все холостые или незамужние.

Таджики — легальные трудовые мигранты из Таджикистана, временно проживающие на территории г. Москвы, — 19 женщина и 77 мужчин в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст 29,5), 90% имеют среднее образование, 95% состоят в браке.

Армяне — студенты московских вузов — 76 девушек и 76 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 22,1), все холостые или незамужние.

Осетины — студенты вузов г. Владикавказа — 48 девушек и 54 юноши в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст 21,1), все холостые или незамужние.

Кабардинцы — студенты вузов г. Нальчика — 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст 19,5 года), все холостые или незамужние.

Всего в исследовании приняли участие 1453 человека.

Методы исследования. Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции респондентов нами использовались следующие методики:

субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997)¹ [9];

«Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова) [5];

формализованная модификация методики «Самооценка волевых качеств» (СО) Дембо—Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990) [4].

Также использовался опросник, который содержал вопросы, касающиеся ряда демографических характеристик респондентов (пол, возраст, образование, семейное положение).

Процедура. Опросные листы раздавались и заполнялись респондентам в индивидуальном порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании носило добровольный и безвозмездный характер. Основным критерием отбора для участия в исследовании было наличие у респондентов выраженной позитивной этнической идентичности, что выявлялось в ходе предварительной беседы.

В табл. 1 приведены среднегрупповые значения показателей состояния волевой регуляции в различных этнических группах у мужчин и женщин.

Для проверки наличия различий между группами использовался непараметрической тест Манна—Уитни. Результаты этого анализа приведены в табл. 2. Для статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics v.23.

Таблица 1

Среднегрупповые значения показателей состояния волевой регуляции в различных этнических группах у мужчин и женщин

Национальность	Пол	ШКД		ЭСК		ПСК		ССК	
		М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Русские	Женский	5,42	2,71	13,64	3,20	16,17	3,73	15,94	3,42
	Мужской	5,94	3,51	14,88	2,09	16,81	3,60	15,50	2,34
Коми	Женский	5,29	2,62	13,12	2,93	17,08	3,85	17,65	3,37
	Мужской	6,24	3,08	13,63	3,71	16,70	3,82	16,09	4,13
Марийцы	Женский	5,86	2,81	13,57	2,75	17,64	3,60	18,11	3,15
	Мужской	5,87	2,84	14,35	2,82	16,83	3,45	16,57	3,27
Корейцы	Женский	6,12	1,71	11,44	2,63	13,76	3,13	13,92	3,14
	Мужской	5,78	1,57	11,20	2,42	12,66	2,94	13,88	2,71

¹ В исследовании использовалась только субшкала «Контроль за действием при планировании», так как, согласно данным психометрических исследований, именно она обладает наибольшей внутренней согласованностью и прогностической валидностью (Diefendorff, 2000).

Национальность	Пол	ШКД		ЭСК		ПСК		ССК	
		М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Тувинцы	Женский	6,10	2,71	13,59	2,92	18,67	3,54	18,27	3,21
	Мужской	5,91	3,52	13,01	3,33	17,15	4,04	16,68	2,85
Евреи	Женский	5,94	2,96	12,50	3,52	15,46	3,69	16,13	3,71
	Мужской	6,83	3,11	12,83	2,88	14,85	3,60	15,51	3,71
Украинцы	Женский	5,37	3,07	12,78	3,27	16,53	4,03	17,14	4,01
	Мужской	6,73	2,74	13,30	3,15	16,96	3,60	17,51	3,41
Белорусы	Женский	5,82	2,94	14,49	2,72	19,63	2,62	20,63	2,78
	Мужской	5,90	3,02	14,02	3,71	18,31	4,43	17,53	5,06
Армяне	Женский	5,33	2,31	12,59	3,23	16,29	4,03	17,24	3,61
	Мужской	5,61	2,38	12,41	3,11	14,96	3,75	15,83	3,24
Осетины	Женский	5,40	2,80	13,40	2,69	18,02	2,96	16,77	3,49
	Мужской	6,07	2,68	11,75	3,18	16,38	3,44	17,02	3,25
Кабардинцы	Женский	5,04	2,92	13,31	4,11	17,60	3,94	18,60	3,83
	Мужской	6,54	2,83	13,65	2,81	17,03	3,34	16,19	5,29
Татары	Женский	5,63	2,75	12,50	3,24	16,04	3,84	15,88	3,21
	Мужской	7,07	3,03	13,09	3,61	16,60	4,52	16,33	4,06
Башкиры	Женский	5,30	2,58	10,75	2,65	14,68	3,72	14,28	3,75
	Мужской	6,86	2,92	12,44	3,33	16,21	4,03	14,86	3,51
Таджики	Женский	6,14	3,23	13,39	3,82	15,36	4,79	15,75	4,73
	Мужской	7,62	2,91	14,03	3,05	18,92	3,97	18,01	3,79

Примечание: ШКД – «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; ЭСК – эмоциональный самоконтроль; ПСК – поведенческий самоконтроль; ССК – социальный самоконтроль; М – среднее; SD – стандартное отклонение.

Таблица 2

Результаты сравнения мужчин и женщин по показателям состояния волевой регуляции в различных этнических группах (тест Манна–Уитни)

Национальность	ШКД	ЭСК	ПСК	ССК
Русские	776,50	574,00	689,50	696,50
Коми	1416,50	1356,50	1361,00	1229,50
Марийцы	2382,50	1734,50	1698,00	1439,50**
Украинцы	992,00*	1150,00	1263,50	1238,50
Белорусы	1213,50	1213,50	1080,00	751,50*
Тувинцы	1066,00	746,00	734,50	613,00*
Корейцы	1147,50	1202,50	1025,50	1247,50
Евреи	1002,00	1154,50	1072,00	1141,00
Армяне	2742,00	2739,00	2339,00*	2205,50**
Татары	885,00**	1133,50	1204,50	1189,00
Башкиры	796,50**	879,00*	966,00*	1146,50
Осетины	1113,50	804,50**	888,00**	1140,50
Кабардинцы	829,00**	936,50	940,50	643,50**
Таджики	762,50*	972,00	630,50**	795,00*

Примечание: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$.

Результаты

В целом, полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу: в группах представителей более маскулинных культур наблюдается больше значимых половых различий в состоянии волевой регуляции, а в группах представителей более фемининных культур они практически отсутствуют (см. табл. 1, табл. 2). Рассмотрим эти закономерности более подробно.

Шкала контроля за действием. По данной методике, значимые половые различия наблюдаются у представителей четырех из шести маскулинных культур (кабардинцы, татары, башкиры и таджики) и только одна из восьми фемининных культур (украинцы). Во всех этих группах мужчины демонстрируют значимо более высокие показатели по сравнению с женщинами, что хорошо согласуется с данными С.А. Шапкина, полученными на смешанной выборке [9]. Вероятно, более выраженная ориентация на действие у мужчин в маскулинных культурах связана с традиционной гендерной ролью добытчика и защитника, предполагающей активность, инициативность, целеустремленность, настойчивость и т. д. [17].

Таким образом, у представителей большинства исследованных нами маскулинных культур наблюдаются значимые половые различия по показателям состояния волевой регуляции, а у представителей фемининных культур, за исключением украинской, эти различия не являются значимыми.

Выраженность самоконтроля. Результаты сравнения мужчин и женщин по субшкалами методики существенно различаются между собой.

Результаты сравнения мужчин и женщин по выраженности *эмоционального самоконтроля* лишь отчасти подтверждают выдвинутую нами гипотезу. Здесь значимые половые различия наблюдаются только у представителей двух маскулинных культур, в связи с чем можно предположить, что данный показатель относительно слабо связан с маскулинностью культуры и в большей степени определяется другими факторами. В пользу этого может свидетельствовать тот факт, что в группе башкир мужчины демонстрируют более высокие по сравнению с женщинами показатели самоконтроля, а в группе осетин, напротив, женщины демонстрируют более высокие показатели самоконтроля по сравнению с мужчинами.

По выраженности *поведенческого самоконтроля* значимые половые различия наблюдаются у представителей четырех из шести маскулинных культур, что может свидетельствовать о более тесной связи данного показателя с маскулинностью культуры. Вместе с этим половые различия по данному показателю сходны с различиями по эмоциональному самоконтролю: в группах башкир и таджиков мужчины демонстрируют более высокие показатели поведенческого самоконтроля по сравнению с женщинами, а в группах осетин и армян, напротив, женщины демонстрируют более высокие показатели по сравнению с мужчинами. Обнаруженная закономерность может говорить о том, что, с одной стороны, маскулинные культуры предъявляют различные требования к самоконтролю у мужчин и у женщин: одни культуры (народы Кавказа) предъявляют более высокие требования к женщинам, а другие к мужчинам (башкиры и таджики).

Результаты сравнения мужчин и женщин по выраженности *социального самоконтроля* выбиваются из общей закономерности. Значимые половые различия наблюдаются как у представителей маскулинных (кабардинцы, армяне, таджики), так и только фемининных культур (тувинцы, марийцы, белорусы). В группах тувинцев, кабардинцев, марийцев, бе-

лорусов и армян женщины демонстрируют значимо более высокие по сравнению с мужчинами показатели социального самоконтроля, а в группе таджиков, напротив, мужчины демонстрируют значимо более высокие показатели социального самоконтроля по сравнению с женщинами. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в целом женщины по сравнению с мужчинами более склонны к самоконтролю в сфере социальных взаимоотношений, независимо от того, является ли данная культура более маскулинной или фемининной. Вероятно, данный феномен определяется другими факторами. Исключение составляют лишь таджики, как этнос, находящийся в особых условиях трудовой миграции, предъявляющей специфические требования к самоконтролю в целом [8].

Таким образом, значимые половые различия по выраженности самоконтроля по различным субшкалам наблюдаются у представителей всех маскулинных культур, за исключением татар. Среди представителей фемининных культур значимые различия встречаются у представителей только трех групп (тувинцы, марийцы, белорусы) и только по выраженности социального самоконтроля. У большинства народов, за исключением башкир и таджиков, женщины превосходят мужчин по показателям выраженности самоконтроля. Можно предположить, что обнаруженная закономерность связана с повышенными требованиями и ограничениями, которые маскулинные культуры предъявляют к женщине (особенно в сфере социальных взаимодействий) [17]. Резюмируя, отметим, что полученные результаты, за рядом исключений, подтверждают выдвинутую нами гипотезу: в маскулинных культурах половые различия показателей волевого самоконтроля выражены сильнее, чем в фемининных.

Самооценка волевых качеств. Результаты сравнения данных показателей не столь однозначны.

В группах русских и тувинцев значимые половые различия отсутствуют.

В группе коми мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств смелый (женщины: $M=3,52$, $SD=0,89$; мужчины: $M=3,94$, $SD=0,62$; $U=1106,00$, $p<0,01$) и уверенный (женщины: $M=3,43$, $SD=0,96$; мужчины: $M=3,75$, $SD=1,02$; $U=1187,00$, $p<0,01$).

В группе марийцев женщины превосходят мужчин по самооценкам качеств ответственный (женщины: $M=4,28$, $SD=0,62$; мужчины: $M=3,96$, $SD=0,89$; $U=1816,00$, $p<0,01$), обязательный (женщины: $M=4,06$, $SD=0,85$; мужчины: $M=3,55$, $SD=0,97$; $U=1603,00$, $p<0,01$), настойчивый (женщины: $M=3,78$, $SD=0,93$; мужчины: $M=3,40$, $SD=1,01$; $U=1854,5,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качества смелый (женщины: $M=3,55$, $SD=0,94$; мужчины: $M=3,88$, $SD=0,82$; $U=1841,5,00$, $p<0,01$).

В группе корейцев женщины превосходят мужчин по самооценкам качеств целеустремленный (женщины: $M=3,06$, $SD=1,45$; мужчины: $M=2,20$, $SD=1,26$; $U=826,00$, $p<0,01$), обязательный (женщины: $M=3,18$, $SD=1,44$; мужчины: $M=2,46$, $SD=1,37$; $U=903,00$, $p<0,01$), внимательный (женщины: $M=3,50$, $SD=1,30$; мужчины: $M=2,78$, $SD=1,40$; $U=890,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качества смелый (женщины: $M=2,92$, $SD=1,47$; мужчины: $M=3,50$, $SD=1,45$; $U=976,00$, $p<0,01$).

В группе евреев женщины превосходят мужчин по самооценкам качеств терпеливый (женщины: $M=3,83$, $SD=0,58$; мужчины: $M=3,34$, $SD=0,67$; $U=685,00$, $p<0,01$) и спокойный (женщины: $M=3,69$, $SD=0,54$; мужчины: $M=3,32$, $SD=0,52$; $U=814,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качества смелый (женщины: $M=3,37$, $SD=0,49$; мужчины: $M=3,62$, $SD=0,53$; $U=905,00$, $p<0,01$).

В группе украинцев мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств смелый (женщины: $M=3,40$, $SD=1,18$; мужчины: $M=4,04$, $SD=0,74$; $U=883,00$, $p<0,01$) и спокойный (женщины: $M=3,67$, $SD=1,23$; мужчины: $M=4,21$, $SD=0,89$; $U=943,00$, $p<0,01$).

В группе белорусов женщины превосходят мужчин по самооценкам качеств дисциплинированный (женщины: $M=4,35$, $SD=0,66$; мужчины: $M=3,96$, $SD=1,06$; $U=1006,00$, $p<0,01$) и обязательный (женщины: $M=4,33$, $SD=0,71$; мужчины: $M=3,94$, $SD=1,03$; $U=990,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств смелый (женщины: $M=3,27$, $SD=0,83$; мужчины: $M=3,73$, $SD=0,93$; $U=869,00$, $p<0,01$) и уверенный (женщины: $M=3,39$, $SD=1,02$; мужчины: $M=3,76$, $SD=0,99$; $U=984,00$, $p<0,01$).

В группе армян женщины превосходят мужчин по самооценкам качеств ответственный (женщины: $M=4,37$, $SD=0,94$; мужчины: $M=4,09$, $SD=1,01$; $U=2348,00$, $p<0,01$), обязательный (женщины: $M=4,12$, $SD=0,97$; мужчины: $M=3,70$, $SD=1,03$; $U=2203,00$, $p<0,01$), организованный (женщины: $M=4,01$, $SD=1,05$; мужчины: $M=3,57$, $SD=1,07$; $U=2161,00$, $p<0,01$) и внимательный (женщины: $M=3,97$, $SD=0,99$; мужчины: $M=3,57$, $SD=1,09$; $U=2262,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качества энергичный (женщины: $M=3,71$, $SD=1,02$; мужчины: $M=4,04$, $SD=1,17$; $U=2258,00$, $p<0,01$).

В группе осетин мужчины превосходят женщин по самооценкам качества спокойный (женщины: $M=3,53$, $SD=1,16$; мужчины: $M=3,92$, $SD=1,30$; $U=855,00$, $p<0,01$).

В группе кабардинцев женщины превосходят мужчин по самооценкам качеств дисциплинированный (женщины: $M=4,27$, $SD=0,81$; мужчины: $M=3,97$, $SD=0,82$; $U=927,00$, $p<0,01$) и терпеливый (женщины: $M=3,81$, $SD=1,27$; мужчины: $M=3,29$, $SD=1,38$; $U=900,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств принципиальный (женщины: $M=3,68$, $SD=1,14$; мужчины: $M=4,29$, $SD=0,94$; $U=774,00$, $p<0,01$), решительный (женщины: $M=3,45$, $SD=0,99$; мужчины: $M=4,06$, $SD=0,98$; $U=752,00$, $p<0,01$), волевой (женщины: $M=3,58$, $SD=1,03$; мужчины: $M=4,20$, $SD=0,96$; $U=782,00$, $p<0,01$), инициативный (женщины: $M=3,46$, $SD=1,12$; мужчины: $M=3,91$, $SD=0,87$; $U=854,00$, $p<0,01$), упорный (женщины: $M=3,61$, $SD=0,94$; мужчины: $M=4,26$, $SD=0,79$; $U=690,00$, $p<0,01$), смелый (женщины: $M=3,72$, $SD=1,10$; мужчины: $M=4,47$, $SD=0,56$; $U=675,00$, $p<0,01$), деловитый (женщины: $M=3,39$, $SD=1,07$; мужчины: $M=3,88$, $SD=1,12$; $U=833,00$, $p<0,01$) и уверенный (женщины: $M=3,67$, $SD=1,22$; мужчины: $M=4,36$, $SD=0,96$; $U=728,00$, $p<0,01$).

В группе татар женщины превосходят мужчин по самооценкам качества принципиальный (женщины: $M=4,18$, $SD=0,79$; мужчины: $M=3,82$, $SD=0,91$; $U=979,00$, $p<0,01$), а мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств самостоятельный (женщины: $M=4,18$, $SD=0,79$; мужчины: $M=3,82$, $SD=0,91$; $U=948,00$, $p<0,01$) и внимательный (женщины: $M=3,61$, $SD=1,07$; мужчины: $M=4,18$, $SD=0,94$; $U=874,00$, $p<0,01$).

В группе башкир мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств дисциплинированный (женщины: $M=3,86$, $SD=0,88$; мужчины: $M=4,21$, $SD=0,80$; $U=953,00$, $p<0,01$), выдержанный (женщины: $M=3,44$, $SD=1,05$; мужчины: $M=3,79$, $SD=1,25$; $U=967,00$, $p<0,01$), деловитый (женщины: $M=3,39$, $SD=1,21$; мужчины: $M=3,77$, $SD=1,41$; $U=957,00$, $p<0,01$).

В группе таджиков мужчины превосходят женщин по самооценкам качеств ответственный (женщины: $M=3,82$, $SD=0,77$; мужчины: $M=4,11$, $SD=0,70$; $U=837,00$, $p<0,01$), дисциплинированный (женщины: $M=3,71$, $SD=0,66$; мужчины: $M=4,14$, $SD=0,72$; $U=727,00$, $p<0,01$), целеустремленный (женщины: $M=3,68$, $SD=0,90$; мужчины: $M=4,16$, $SD=0,85$; $U=726,00$, $p<0,01$), выдержанный (женщины: $M=3,57$, $SD=0,96$; мужчины: $M=4,16$, $SD=0,82$; $U=693,00$, $p<0,01$), энергичный, (женщины: $M=3,71$, $SD=0,94$; мужчины: $M=4,14$, $SD=0,84$;

$U=778,00$, $p<0,01$) упорный (женщины: $M=3,68$, $SD=0,86$; мужчины: $M=4,20$, $SD=0,73$; $U=704,00$, $p<0,01$), смелый (женщины: $M=3,79$, $SD=0,83$; мужчины: $M=4,17$, $SD=0,77$; $U=790,00$, $p<0,01$), организованный (женщины: $M=3,64$, $SD=0,62$; мужчины: $M=3,96$, $SD=0,76$; $U=799,00$, $p<0,01$).

Анализ полученных результатов, позволяет выделить ряд закономерностей:

Во-первых, в маскулинных культурах наблюдается большее количество значимых половых различий в показателях самооценок волевых качеств (наибольшее число значимых различий наблюдается в группах кабардинцев и таджиков), чем в фемининных (у русских и тувинцев значимые различия отсутствуют), что подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Исключение из этой закономерности составляют осетины, татары и башкиры.

Во-вторых, женщины превосходят мужчин по качествам, связанным с необходимостью организовывать свое поведение в соответствии с требованиями общества (ответственный, дисциплинированный, обязательный, терпеливый). Вероятно, эти качества отражают особенности традиционной гендерной роли женщины, занимающей более зависимое и подчиненное положение в маскулинном обществе [17]. Исключение из этой закономерности составляют таджики и башкиры.

В-третьих, мужчины превосходят женщин по качествам, связанным с инициацией и реализацией намерения в действии (смелый, решительный, инициативный, энергичный, самостоятельный, уверенный, упорный, волевой). Можно предположить, что эти качества отражают особенности традиционной гендерной роли мужчины, направленной на достижение успеха [17].

Ряд качеств оказались гендерно нейтральными: половые различия в показателях выраженности данных качеств либо не наблюдались, либо в разных группах имели разную направленность (целеустремленный, принципиальный, настойчивый, спокойный, деловитый, организованный, внимательный). Можно предположить, что данные качества имеют разную содержательную интерпретацию в разных культурах и, соответственно, являются либо маскулинными, либо фемининными.

Таким образом, полученные нами результаты в целом подтверждают выдвинутую нами гипотезу: в маскулинных культурах наблюдается больше значимых половых различий в самооценках волевых качеств, чем в фемининных. Причем мужчины превосходят женщин по качествам, связанным с традиционной мужской ролью, а женщины — мужчин по качествам, связанным с традиционной женской ролью. Исключение из этой закономерности составляют таджики — в этой группе мужчины значимо превосходят женщин по самооценкам большинства волевых качеств. Как уже отмечалось выше, вероятно, этот феномен обусловлен фактором миграции, предъявляющей специфические требования к волевой регуляции в целом [8].

Обсуждение результатов

В целом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу.

Во-первых, в более маскулинных культурах в среднем наблюдается больше значимых половых различий в показателях волевой регуляции, чем в более фемининных. В большинстве исследованных маскулинных культур мужчины и женщины характеризуются существенными различиями в показателях «Шкалы контроля за действием», выраженности эмоционального, поведенческого и социального самоконтроля, а также в показателях самооценки волевых качеств. В фемининных культурах, напротив, значимые половые различия в показателях состояния волевой регуляции практически отсутствуют.

Во-вторых, обнаруженные различия свидетельствуют о том, что ряд показателей состояния волевой регуляции выше у мужчин, а ряд показателей — у женщин. В общем, обнаруженные половые различия соответствуют особенностям традиционных гендерных моделей поведения: мужчины демонстрируют качества, связанные с реализацией намерения в действии (ориентация на действие, смелость, решительность, инициативность, энергичность, самостоятельность, уверенность, упорство, воля), а женщины — качества, связанные с организацией своей деятельности в соответствии с требованиями общества (ориентация на состояние, самоконтроль, ответственность, дисциплинированность, обязательность, терпение). Эти данные достаточно хорошо согласуются с работами Г. Хофстеде и его коллег, а также с результатами исследований половых различий волевой регуляции, выполненными на смешанных этнических выборках [5; 17].

Все вместе это позволяет высказать предположение о том, что обнаруженные половые различия обусловлены различиями в требованиях, предъявляемых к волевой регуляции мужчин и женщин в соответствии с традиционными гендерными ролями. Согласно представлениям Г. Хофстеде, эти различия более выражены в маскулинных культурах [17]. В свою очередь, это подтверждает представления о воле как о высшей психической функции, которая развивается в соответствии с требованиями общества и, в частности, национальной культуры. В связи с этим мы можем рассматривать маскулинность культуры и связанные с ней особенности гендерной социализации как один из факторов формирования волевой регуляции.

Безусловно, нами были обнаружены и исключения из общей закономерности, что может быть обусловлено спецификой сравниваемых групп. Выше уже обсуждался особый статус группы таджиков, который мог привести к росту показателей состояния волевой регуляции в целом и у мужчин в особенности. Представители белорусов и марийцев немного старше представителей других групп, что может быть причиной большего числа половых различий в показателях данных исследуемых групп. Также следует признать, что в силу особенности этнического состава населения РФ и бывшего СССР нам не удалось подобрать достаточно контрастные группы по показателю маскулинности. Тем не менее, можно было бы ожидать, что при сравнении более контрастных групп, например, народов, населяющих скандинавские страны, и народов, населяющих Германию или Японию, обнаруженные нами закономерности были бы выражены еще значительно [17].

Заключение

Как связаны национальная культура и воля? Поскольку культура представляет собой сложный феномен, в данном исследовании мы сосредоточили свое внимание на одном из его измерений, а именно на маскулинности (Г. Хофстеде).

Результаты исследований свидетельствуют о наличии половых различий в состоянии волевой регуляции, однако их природа до сих пор остается не до конца раскрытой [5]. Результаты нашего исследования свидетельствуют в пользу того, что эти различия обусловлены, в том числе, особенностями культуры, в частности, особенностями дифференциации гендерных ролей, поскольку они были обнаружены преимущественно у представителей маскулинных культур, тогда как у представителей фемининных культур они практически отсутствовали.

Мы предполагаем, что полученные нами результаты свидетельствуют о вкладе особенностей национальной культуры в формирование волевой регуляции, которые предъявляют, с одной стороны, специфические требования ко всем представителям этноса в целом,

а с другой стороны, различные требования к мужчинам и женщинам в соответствии со сложившейся в данной культуре системой разделения гендерных ролей.

Безусловно, влияние культуры на формирование волевой регуляции не может сводиться к одному единственному фактору. Изучение связи других аспектов национальной культуры и волевой регуляции составляет предмет дальнейших исследований.

Литература

1. Быков А.В., Шульга Т.И. Становление волевой регуляции в онтогенезе. М.: Изд-во УРАО, 1999. 168 с.
2. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Моиров А.В., Шлятников В.Н. Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
3. Иванников В.А., Шлятников В.Н. Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 1. С. 70–84. doi:10.17759/expsy.2019120106
4. Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств, по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Том 11. № 3. С. 39–49.
5. Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 288 с.
6. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 320 с.
7. Соколова Д.А. Социально-психологические характеристики общности этнических корейцев Приморского края // Социальные исследования. 2016. № 3. С. 24–37.
8. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 398 с.
9. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 140 с.
10. Шлятников В.Н. Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 3. С. 83–90. doi:10.17759/chp.2019150309
11. Шлятников В.Н. Гендерные особенности волевой регуляции // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2011. №1. С. 26–38.
12. Шлятников В.Н. Особенности волевой регуляции у кабардинцев, коми, тувинцев и русских // Экспериментальная психология. 2018. Том 11. № 4. С. 107–115. doi:10.17759/expsy.2018110409
13. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
14. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update // Advances in Experimental Social Psychology. 2016. Vol. 54. P. 67–127.
15. Chatterjee M.B., Baumann N., Osborne D., Mahmud S.H., Koole S.L. Cross-Cultural Analysis of Volition: Action Orientation Is Associated With Less Anxious Motive Enactment and Greater Well-Being in Germany, New Zealand, and Bangladesh. Front // Psychol. 2018. 9:1043. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01043
16. Diefendorff J.M., Hall R.J., Lord R.G., Streat M.L. Action-state orientation: Construct validity of a revised measure and its relationship to work-related variables // J. Appl. Psychol. 2000. Apr. Vol. 85(2). P. 250–263.
17. Hofstede G. Culture's Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2001. 616 p.
18. Kuhl J., Keller H. Affect-Regulation, Self-development and Parenting: A Functional-Design Approach to Cross-Cultural Differences / Handbook of Motivation and Cognition Across Cultures. Academic Press, 2008. Vol. 1. P. 19–47. doi: 10.1016/B978-0-12-373694-9.X0001-3
19. Mischel W., Ayduk O., Berman M.G., Casey B.J., Gotlib I.H., Jonides J., Kross E., Teslovich T., Wilson N.L., Zayas V., Shoda Y. Willpower over the life span: decomposing self-regulation // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2011. Vol. 6(2). P. 252–256.

References

1. Bykov A.V., Shul'ga T.I. Stanovlenie volevoj reguljacji v ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).

2. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N., Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The role of the notion of will in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psychologii]*, 2014, no. 2, pp. 15–23. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Osobennosti volevoj regulyatsii u predstavitelej raznyx etnokulturnykh grupp [Features of volitional regulation among representatives of different ethnocultural groups]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 2019. Vol. 12, no. 1, pp. 70–84. doi:10.17759/exppsy.2019120106. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Ivannikov V.A., Eidman E.V. Struktura volevykh kachestv po dannym samoosnizheniya [Structure of volitional qualities according to self-assessment data]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 1990. Vol. 11, no. 3, pp. 39–49. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
5. Il'in E.P. Psikhologiya voli [The Psychology of Volition]. Saint-Peterburg: Publ. Piter, 2000. 288 p. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
6. Krysko V.G. Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic Psychology]. Moscow: Publ. Akademiya, 2008. 320 p. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
7. Sokolova D.A. Social'no-psikhologicheskie harakteristiki obshchnosti etnicheskikh korejcev Primorskogo kraja [Socio-psychological characteristics of a community of ethnic Koreans in Primorsky Krai]. *Sotsialnye issledovaniya [Social Studies]*, 2016, no. 3. pp. 24–37. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
8. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti [Psychology of Inter-Ethnic Tension]. Moscow: Publ. Smysl, 1998. 398 p. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
9. Shapkin S.A. Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]. Moscow: Publ. Smysl, 1997. 140 p. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
10. Shlyapnikov V.N. Vzaimosvyaz pokazatelej sostoyaniya volevoj regulyatsii i etnicheskoy identichnosti [Relationship between Volitional Regulation and Ethnic Identity]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 83–90. doi:10.17759/chp.2019150309. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Shlyapnikov V.N. Gendernye osobennosti volevoj regulyatsii [Gender differences in volitional regulation] // *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki». [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology]* 2011. no. 1. pp. 26–38. ontogeneze [The Genesis of Volitional Regulation in Ontogenesis]. Moscow: Publ. URAO, 1999. 168 p. (In Russ.).
12. Shlyapnikov V.N. Osobennosti volevoi regulyatsii u kabardintsev, komi, tuvintsev i russkikh [Features of Volitional Regulation of Kabardians, Komi, Tuvinians and Russians]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 2018. Vol. 11, no. 4, pp. 107–115. doi:10.17759/exppsy.2018110409. (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Göttingen: Hogrefe Publ., 2018. 433 p.
14. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2016. Vol. 54, pp. 67–127.
15. Chatterjee M.B., Baumann N., Osborne D., Mahmud S.H., Koole S.L. (2018) Cross-Cultural Analysis of Volition: Action Orientation Is Associated With Less Anxious Motive Enactment and Greater Well-Being in Germany, New Zealand, and Bangladesh. *Front. Psychol.* 9:1043. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01043
16. Diefendorff J.M., Hall R.J., Lord R.G., Streat M.L. Action-state orientation: Construct validity of a revised measure and its relationship to work-related variables // *J. Appl. Psychol.* 2000. Apr. V. 85(2). P. 250–263.
17. Hofstede G. Culture's Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2001. 616 p.

18. Kuhl J., Keller H. Affect-Regulation, Self-development and Parenting: A Functional-Design Approach to Cross-Cultural Differences / *Handbook of Motivation and Cognition Across Cultures*. Academic Press, 2008. Vol. 1. P. 19–47. doi: 10.1016/B978-0-12-373694-9.X0001-3

19. Mischel W., Ayduk O., Berman M.G., Casey B.J., Gotlib I.H., Jonides J., Kross E., Teslovich T., Wilson N.L., Zayas V., Shoda Y. Willpower over the life span: decomposing self-regulation. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2011. Vol. 6(2), pp. 252–256.

Информация об авторах

Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Information about the authors

Vladimir N. Shlyapnikov, PhD (Psychology), Head of the Department of Personality and Individual Differences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Получена 30.12.2019

Received 30.12.2019

Принята в печать 20.04.2020

Accepted 20.04.2020